

Центральная Азия: угроза радикального исламизма

Ситуация в Таджикистане

© Малышев Д. В.

© Malyshev D.

Центральная Азия: угроза радикального исламизма. Ситуация в Таджикистане

Central Asia: menace of radical Islamism. Situation in Tajikistan

Аннотация. Рассмотрены вызовы безопасности постсоветским государствам Центральной Азии со стороны радикального ислама. Проблемы взаимодействия России и Запада со странами региона анализируются в контексте противодействия растущей угрозе исламизма и международного терроризма. Особое внимание уделено Таджикистану, опыт которого в этой сфере представляется наиболее примечательным. Хронологические рамки статьи ограничены в основном 2014–2016 гг., но при этом делается экскурс в более ранние периоды истории центральноазиатских обществ.

Annotation. The article deals with the challenges to Central Asian security from radical Islamism. The problems of interaction between Central Asian state, Russia and the Western countries have been analyzed in the framework of countering the growing threat of international terrorism and Islamism. Special attention is given to Tajikistan, whose experience in this area is the most notable. The chronological scope of the article is limited mainly to the latest developments of 2014–2016, but the author dwells on some previous periods in the history of Central Asian societies.

Ключевые слова. Центральная Азия, Европейский Союз, США, Таджикистан, радикальный ислам, международная безопасность, террористическая угроза.

Key words. Central Asia, the European Union, the USA, Tajikistan, radical Islam, international security, terrorist threat.

Вызовы мусульманского Востока в современном мире

Мир все чаще сталкивается с террористическими и экстремистскими вызовами. Они создают реальную угрозу международной безопасности. Как показывает практика, власти нередко оказываются не в состоянии реагировать на них должным образом.

14 ноября 2015 г. Францию потрясла серия терактов, в результате которых погибли по меньшей мере 130 человек. Атака террористов была настолько серьезна, что президент Пятой республики Ф. Олланд вынужден был пойти на беспрецедентный шаг — введение чрезвычайного положения. Продемонстрированная террористами высокая слаженность в действиях (теракты практически одновременно прошли в семи районах Парижа) свидетельствовала о том, что мир сталкивается с очень серьезной проблемой, которую невозможно решить отдельными репрессивными акциями [17].

МАЛЫШЕВ Дмитрий Валерьевич — доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук.

Помимо террористической угрозы, Европа столкнулась и с невиданным доселе наплывом мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев из Большого Средиземноморья. Некоторые исследователи уже успели окрестить их «новой ордой», в то время как другие авторы заговорили о «закате Европы» — его предрекал Старому Свету еще в 1918 г. известный немецкий философ Освальд Шпенглер [6].

Террористическая угроза продолжает нарастать. В середине марта 2016 г. в бельгийском Моленбеке был арестован Салах Абдеслам, подозреваемый в организации терактов в Париже [2]. Но проблему с купированием дальнейших террористических вылазок это не решило. 22 марта 2016 г. произошла серия терактов в Брюсселе, который не только является столицей Бельгии, но и служит главным административным центром ЕС и НАТО. В ходе террористической атаки погибло более 30 человек. Многие эксперты расценили это как месть за арест С. Абдеслама [7]. Террористические структуры еще раз показали свою силу и мощь, которой даже натренированные западные спецслужбы не смогли дать должного отпора. Стало ясно: мирная Европа осталась в прошлом, а попытки представить террористов лишь некими разрозненными группами не выдерживают критики.

География терактов расширяется. 27 марта 2016 г. в пакистанском городе Лахор в результате террористической атаки погибло более 70 человек. Ответственность за взрыв взяло на себя пакистанское отделение движения «Талибан» [28]. Тем самым вновь подтвержден тот факт, что терроризм давно перешел границы континентов и конфессий. Он не знает национальностей и отдельных религий. Он наднационален, и в этом его основная угроза.

Особую тревогу в последние годы не только на Востоке, но и на Западе вызывает деструктивная деятельность движения «Исламское государство» (ИГ), которое решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, и его деятельность на территории России запрещена. Из региональной поначалу организации ИГ превращается в глобальный фактор дестабилизации существующего мирового порядка.

ИГ появилось не на пустом месте — его религиозные корни уходят далеко в прошлое, их можно обнаружить в самом процессе зарождения ислама в VII в. Традиции ортодоксального ислама связаны с именами двух богословов, которые, правда, знакомы быть никак не могли, т. к. жили с разницей приблизительно в пять веков: Ахмада бин Ханбала (VIII—IX вв.) и Ибн Таймийя (XIII—начало XIV в.). Именно они считаются прародителями идеологического течения, получившего название «салафизм» (*салаф аль-салих* — праведные предки). Один из наиболее известных продолжателей этой традиции — Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1703 г. в небольшом поселении в регионе Неджд, расположенном в центре Аравийского полуострова. Именно с его деятельностью традиционно связывают возникновение ваххабизма, одного из наиболее ортодоксальных течений в исламе, идеология которого взята на вооружение ИГ [12].

Не последнюю роль в радикализации ислама и формировании идеологии джихадистов сыграл египетский мыслитель Сейид Кутб, который перебросил мостик между учением аль-Ваххаба и современными радикальными исламистами из «Аль-Каиды» и ИГ. Надо отметить, что сам С. Кутб претендовал только на роль проповедника, но его это не спасло. Египетские власти обвинили его в связях с «Братьями-мусульманами» и подготовке покушения на президента Египта Гамаль Абдель Насера и в 1966 г. повесили.

В начале 2000-х гг. происходит новый подъем радикального ислама. Он не сворачивал свою деятельность и до этого. Но вторжение американцев и их союзников сначала в Афганистан (2001), а потом в Ирак (2003) подхлестнуло этот процесс, который выплеснул на поверхность политической жизни Ближнего Востока силу в чем-то даже более грозную, нежели «Аль-Каида», — «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, или ИГ)¹. Признанным «отцом» этого проекта считается выходец из Иордании Абу Мусаб аз-Заркави. Сам этот деятель теоретически обосновать установки ИГ был не в состоянии в силу своей необразованности (он не закончил даже среднюю школу), но сама структура без идеолога не осталась — им стал Абу Абдулла аль-Мухаджир, который, в частности, придумал театральные кровавые расправы типа массового обезглавливания во имя торжества идей Аллаха.

Под знамена этой структуры попадает сейчас большое количество людей, прежде всего молодежи, и регион Центральной Азии не является исключением.

Исламизм в Центральной Азии

После распада СССР в декабре 1991 г. в Центральной Азии (ЦА) параллельно с избранной изначально государствами этого региона светской парадигмой набирала силу иная тенденция — радикализация ислама, проявившаяся в появлении (часто действующих нелегально) исламистских организаций и движений. Радикальный ислам в ЦА давно превратился в угрозу не менее значимую, чем на Ближнем Востоке или в Африке. Распространение подобных идей происходило еще в советский период, а особенное обострение этого процесса началось в годы «перестройки», когда они стали приходить на смену так и не прижившимся социалистическим идеалам.

Влияние радикального ислама ощущается в Центральной Азии особенно остро по сравнению с другими регионами постсоветского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию во всех пяти центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Следует иметь в виду, что традиции ислама и противодействие светскому правлению имеют здесь

¹ Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. эта организация признана террористической, а ее деятельность запрещена на территории РФ. — *Прим. ред.*

давнюю историю, а позиции радикального исламизма в регионе оказались достаточно прочными.

Наиболее показателен в этом отношении, на наш взгляд, опыт Таджикистана. Он оказался одной из наиболее проблемных республик ЦА из-за особенно сильного воздействия на местный политический процесс радикального исламизма. Этот феномен связан с тем, что, во-первых, Таджикистан стал единственной республикой ЦА, втянутой в 1990-е гг. в кровавую бойню, в гражданскую войну, которая, по сути, была борьбой двух тенденций развития — светской и теократической. Во-вторых, именно в Таджикистане в этот период столкнулись интересы как региональных, так и внерегиональных акторов, позднее участвовавших в межтаджикском диалоге, который в конечном итоге привел к урегулированию конфликта [23. С. 43]. В-третьих, в течение длительного времени Таджикистан являлся единственным государством ЦА, где властями была официально разрешена деятельность исламской политической организации — Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Ее представители были инкорпорированы в органы исполнительной и законодательной власти республики, а также в правоохранительные и военные структуры.

Ситуация с радикализацией ислама в Таджикистане и других странах ЦА осложнялась быстрым накоплением критической массы внутренних проблем, которые активно использовались местным религиозным подпольем для дискредитации светских правящих режимов. К числу внутренних угроз в регионе ЦА, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- межнациональная напряженность;
- противоречия между элитами внутри каждой страны;
- низкий уровень жизни населения;
- распространение наркомании;
- распространение радикальных (религиозных и националистических) идей;
- увеличение разрыва в доходах различных групп населения в каждой из стран региона;
- высокий уровень безработицы;
- высокий уровень коррупции;
- слабая эффективность работы государственных структур;
- отсутствие правил преемственности верховной власти внутри стран региона [8. С. 5].

Радикальный ислам в странах ЦА давал о себе знать неоднократно и проявлялся в различных формах. Наиболее яркими событиями, связанными с этим процессом, представляются:

1. Гражданская война в Таджикистане (1992—1997).
2. Баткенские события в Кыргызстане (1999—2000). Тогда отряды, предположительно связанные с Исламским движением Узбекистана (ИДУ; оно сформировалось по окончании гражданской войны в Таджикистане из числа узбекских исламистов, отказавшихся подписать Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане), предприняли попытку прорваться в Узбекистан через террито-

рию Таджикистана и Баткенскую область Кыргызстана. Общее руководство террористической акцией осуществлялось из Афганистана лидером ИДУ Тахиром Юлдашевым. Непосредственно операцией в горной местности Баткена руководил Джума Намангани и его полевые командиры. После гражданской войны в Таджикистане это стало самым серьезным испытанием не только для Кыргызстана, но и для всего региона [1].

3. Андижанские события в Узбекистане в мае 2005 г. Влияние именно исламского фактора было здесь спорным. Но официальный Ташкент возложил ответственность за насилие и гибель во время вооруженного мятежа в Андижане на радикальных исламистов, квалифицировав эти события чуть ли не как попытку государственного переворота [11].

Существенно, что исламисты в Афганистане проходят своеобразный период консолидации: в конце сентября 2015 г. талибы захватили и несколько дней удерживали город Кундуз на севере страны. Им удалось преодолеть внутренние разногласия, вызванные гибелью духовного лидера «Талибана» муллы Омара: объявивший себя его преемником Атар Мансур заявил о разрешении всех противоречий в рядах талибов и даже о возможности новых активных действий [15]. В конце марта 2016 г. спецпредставитель президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД РФ З. Кабулов заявил, что «в Афганистане боевики закрепляются на территориях, граничащих с Туркменистаном и Таджикистаном, что вызывает напряженность по обе стороны границы» [3].

Налицо и другие вызовы, на которые обращает внимание казахстанский исследователь Булат Султанов: «Беспокойство вызывает и рост радикальных религиозных настроений в приграничных с регионом Афганистане, Иране, а также в Пакистане, Сирии, Турции, Ливии, с которыми страны ЦА имеют давние исторические, религиозные и культурные связи» [25. С. 69].

Радикальный исламизм в Центральноазиатском регионе распространен неравномерно. В большей степени его идеям подвержены Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей — Казахстан и Туркменистан, хотя подъем исламистских настроений имеет место и в последних двух странах. Так, в Казахстане правоохранительные органы неоднократно пресекали деятельность организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения, запрещена в РФ). Ее сторонники призывали к свержению светских режимов и созданию в Центральной Азии единого теократического государства [5. С. 165].

Причиной большей представленности исламистов в Узбекистане и Таджикистане является, на наш взгляд, этнический фактор, который сближает народы этих стран с Афганистаном. Таджики и узбеки по численности являются соответственно второй и третьей народностями в Афганистане [30].

Исламистские партии и организации, как отмечает российский востоковед И. Д. Звягельская, «в начале 1990-х гг. ...лишь зарождались и пробовали свои силы, позже они стали частью политического ландшафта в государствах Центральной Азии, за редким исключением частью нелегальной» [10. С. 83].

В качестве основных организаций такого рода следует назвать Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Союз исламского джихада, «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), а в последнее время — уже упоминавшееся выше «Исламское государство». В странах Центральной Азии действует разветвленная структура организации «Братья-мусульмане». Она представляет собой сеть автономных ячеек, которые выступают в странах ЦА под различными названиями — «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва» и др. В основном подобные структуры представлены в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане [29].

Таким образом, ситуацию в ЦА можно охарактеризовать как крайне сложную. На общие проблемы социально-экономического характера, которые существуют в регионе в силу объективных причин, все больше накладываются проблемы социально-политические, не последнюю роль среди которых играет фактор радикального ислама.

Особое значение в связи с этим приобретает угроза, исходящая от движения «Исламское государство», которое активно заявило о себе в 2014 г. после захвата обширных территорий в Сирии и Ираке. Группировка четко обозначила свою основную цель — создание всемирного халифата, т. е. государства, управляемого по законам шариата во главе с халифом — наместником бога на земле. По словам известного российского востоковеда В. В. Наумкина, «уже само название ИГИЛ говорило о сути исламистского проекта: это создание исламского государства — халифата — на территории, которая включает в себя Ирак, Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину» [14. С. 39].

Становление ИГ (*по-арабски* — ДАИШ) связывают, как уже отмечалось выше, с деятельностью иорданца по происхождению Абу Мусада аз-Заркави, который еще в 2002 г. создал группировку «Единобожие и джихад». Сам Заркави был убит в 2006 г. в Ираке, после чего данную структуру возглавил Абу Бакр аль-Багдади. Он некоторое время содержался в американском лагере «Букка» на территории Ирака, а после освобождения в 2010 г. принялся активно восстанавливать детище аз-Заркави. Именно тогда возглавлявшаяся им радикальная группировка «Исламское государство в Сирии» присоединилась к таким же экстремистским объединениям, организовав «Фронт ан-Нусра», или «Джабхат ан-Нусра» (Фронт помощи народу) [13]. Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. она была признана террористической организацией, и ее деятельность на территории России запрещена.

На Западе и в РФ многие склонны связывать негативные тенденции в ЦА именно с деятельностью ИГ. Но не все отечественные эксперты разделяют подобную точку зрения. Так, в интервью агентству ИА REGNUM руководитель отдела Средней Азии Института стран СНГ А. Грозин заявил: «Сейчас... люди, которые формально или неформально никак не связаны с ИГ, очень часто используют этот бренд... Спасибо средствам массовой информации, западным в особенности, за такую раскрутку этого движения» [32].

Проблема радикализации ислама представляет несомненную угрозу для всех стран региона, но наиболее ощутима она в Таджикистане.

Опыт Таджикистана в противодействии угрозе распространения радикального ислама

Распространение радикальных исламистских идей во многом связано с историческими предпосылками складывания Таджикистана как государства. До 1920 г. республика в ее нынешних территориальных границах входила в состав Бухарского эмирата, и только в 1924-м она в качестве автономии была присоединена к Узбекистану. 5 декабря 1929 г. Таджикистан стал союзной республикой в составе СССР. Именно в Таджикистане, как и в соседнем Узбекистане, был сосредоточен тогда центр басмаческого движения, которое советским властям удалось ликвидировать только к началу 1930-х гг. Но традиции радикального ислама в республике сохранялись.

Основу таджикской правящей элиты составляли ходжентцы (Ходжент — Ленинабад в советское время), которые исторически являлись мусульманской элитой. В состав таджикской номенклатуры в 1980-е гг. входили и представители двух других мощных кланов — памирского и кулябского. Таджикистан всегда оставался клановым обществом. Подобная структура имеет место и в других центральноазиатских государствах, однако именно в Таджикистане она проявляется наиболее отчетливо [9].

Проблема радикализации ислама представляет несомненную угрозу для всех стран региона, но наиболее ощутима она в Таджикистане.

Распад СССР оказал негативное влияние на все бывшие советские республики Средней Азии, но его последствия оказались наиболее болезненными в Таджикистане. В ноябре 1990 г. первым президентом республики был избран Кахар Махкамов. Как представитель еще советской номенклатуры он не смог долго продержаться у власти на волне широко распространившихся в то время настроений противостояния всему советскому наследию. В августе 1991 г., после провала ГКЧП, К. Махкамов подал в отставку, и новым президентом Таджикистана стал Рахмон Набиев. Его избрание отвечало общим тенденциям политического развития стран региона, где к власти в основном приходили бывшие партийные функционеры (Набиев в 1982—1985 гг. являлся первым секретарем ЦК КП Таджикистана). Он был выходцем из кишлака Шайхбурхан Ходжентского (Худжандского) района Ленинабадской области, т. е. представлял интересы северных кланов (Ходжент — административный центр Согдийской области современного Таджикистана).

Становление и развитие уже де-факто независимого Таджикистана проходили в сложных условиях. В республике набирали обороты исламистские тенденции. Этому всячески способствовали две основные силы — Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) и Партия ислам-

ского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Обе структуры провоцировали возникновение конфликтов.

В итоге Таджикистан был втянут в пятилетнюю гражданскую войну, последствия которой полностью не преодолены и по сей день. Во время посещения Таджикистана автору этих строк приходилось неоднократно слышать воспоминания о том ужасе, который рядовые таджики связывают с тем периодом (зверские пытки, публичные расстрелы, убийства беременных женщин на глазах их мужей и т. д.).

Политолог Эркин Рахматуллаев считает основными причинами конфликта социокультурные противоречия и клановую борьбу [23. С. 43] Зародившийся как межклановое противостояние, конфликт в итоге перерос в гражданскую войну, которая формально продолжалась до 27 июня 1997 г., когда в Москве было заключено соглашение о прекращении огня, подписи под которым поставили президент Таджикистана Э. Рахмонов (Э. Рахмон) и лидер Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) С. А. Нури. Их дуумвират, однако, был признан далеко не всеми политическими силами республики [19], и последствия межтаджикского противостояния еще долго сказывались на развитии политического процесса в республике. Преодолеть последствия войны Таджикистану помогала Россия. Именно она активнее других посредничала в разрешении конфликта, в сближении позиций противостоявших друг другу сторон. Ущерб, нанесенный гражданской войной, был поистине колоссальным для и без того бедной республики — порядка 7 млрд долларов США [16. С. 37].

К урегулированию конфликта в Таджикистане на определенном этапе активно подключились и страны Запада. Были проведены девять раундов межтаджикских переговоров, в которых участвовали ООН и ОБСЕ. В конечном итоге ситуация стабилизировалась, а ПИВТ, несмотря на то, что являлась ядром ОТО, даже получила статус официально разрешенной партии. Таджикистан — единственная республика в регионе (и одна из немногих в мире), где в условиях светского режима официально разрешена деятельность исламской партии, которая даже представлена депутатами в национальном парламенте.

Далеко не все религиозные лидеры республики охвачены оппозиционными настроениями. Так, вполне лоялен действующей власти известный политик и религиозный деятель Ходжи Акбар Тураджонзода, который в годы гражданской войны занимал пост *Кази-калона* (Верховного судьи). В последнее время он выступает за более сбалансированный внешнеполитический курс Таджикистана, делая упор на необходимости упрочения связей с Россией. Тураджонзода стал одним из немногих религиозных деятелей, поддержавших воссоединение Крыма с Россией [25].

Ситуация в стране начала стремительно меняться в 2015 г. В конце августа Министерство юстиции Таджикистана в ультимативной форме потребовало от ПИВТ «прекратить свою незаконную деятельность». Соответствующее предписание исходило от министра юстиции республики Хакима Мирсайзоды. Формальным основанием стало то, что первичные организации ПИВТ прекратили свою деятельность на местах [21]. Одновременно была распространена информация, что лидер партии

Мухиддин Кабири не собирается возвращаться в страну из-за угрозы физического устранения (М. Кабири возглавил ПИВТ в 2006 г. после того, как при не вполне проясненных обстоятельствах — ходили упорные слухи о его отравлении — в 2003 г. скоропостижно скончался основатель партии С. А. Нури).

Сам факт ликвидации ПИВТ можно оценивать по-разному. С одной стороны, власти республики, и прежде всего сторонник светской политической системы президент Э. Рахмон и его окружение, опасаются влияния радикального ислама, что можно считать вполне оправданным. С другой стороны, поскольку деятельность легальной исламской оппозиции всегда серьезно контролировалась властями, это лишало ПИВТ возможности действовать открыто и свободно в рамках закона, предоставляя дополнительные возможности для пропагандистской активности нелегальным радикальным течениям, с которыми ПИВТ боролась. Наибольших успехов агитация исламистов имела у молодежи, которая разочаровалась в легальных оппозиционных партиях наподобие ПИВТ, поскольку считала, что эта партия заигрывает с властью и не способна противостоять произволу административной машины с ее коррупцией и вседозволенностью. В целом закономерен вопрос: стоило ли в стране с исламскими традициями столь радикально решать проблему с партиями умеренной исламской ориентации? Впрочем, это ошибка не только Таджикистана; ее совершили и многие страны Запада, пытавшиеся резко изменить психологию выходцев с Востока, прикрываясь расплывчатой и не совсем понятной для последних концепцией мультикультурализма.

В конце августа 2015 г. офис ПИВТ в Душанбе был закрыт, а Верховный суд республики обнародовал заявление, в котором руководство партии обвинялось в подготовке государственного переворота [22]. Изначально можно было предугадать, что подобные действия будут иметь негативный результат и только подогреют набиравшее силу противостояние властей с оппозицией. Перед Таджикистаном замаячила угроза новой гражданской войны, симптомы которой стали проявляться задолго до запрета ПИВТ и других религиозных партий.

Запрет ПИВТ не выглядел для ряда экспертов чем-то экстраординарным. Так, один из признанных в мире специалистов в исследовании ислама в Центральной Азии Ноа Такер отмечал, что «запрет ПИВТ и недавняя волна арестов являются прямым результатом долгосрочной стратегии, направленной на то, чтобы нивелировать все уступки, на которые были вынуждены пойти Рахмон и тогдашний лидер Народного фронта (ОТО. — Д. М.) при подписании мирного соглашения в 1997 году» [18].

В мае 2015 г. в Хороге (административном центре Горно-Бадахшанской автономной области — ГБАО) вспыхнули массовые беспорядки. ГБАО — это особый район Таджикистана. Местное население не идентифицирует себя с таджиками, а основную массу верующих составляют исмаилиты. И хотя почти в самом центре Душанбе находится культурный исмаилитский центр, построенный на средства духовного лидера исмаилитов принца Карима Ага-хана IV, отношение к представителям этого направления в исламе остается настороженным.

В начале сентября вспыхнул мятеж заместителя министра обороны республики генерала Абдухалима Мирзо Назарзоды. В свое время под именем Хаджи Халима он стал известен как один из полевых командиров ОТО и сторонник исламизации республики, выступал против Народного фронта, который возглавлял нынешний президент Таджикистана Э. Рахмон. После завершения гражданской войны был инкорпорирован в правоохранительные структуры Таджикистана по так называемой 30-процентной квоте.

Правительственными силами с трудом удалось подавить мятеж. Сначала генерал и его сторонники предприняли попытку захватить здание Министерства обороны республики (а это — практически центр Душанбе), затем укрылись в Рамитском ущелье и попытались установить контроль над ключевым центром республики — Вахдатом. Только через несколько недель с мятежом было покончено, а его лидер А. Назарзода (некоторые средства массовой информации прозвали его «кровавым генералом» [20]) ликвидирован.

В Министерстве обороны он занимался снабжением армии и обеспечением безопасности. Таким образом, на поверхность вышел существовавший внутри правящей элиты кризис, не говоря уже о том, что, только по официальным данным, в мятеже приняли участие не менее 135 десантников.

Власти Таджикистана прилагают немалые усилия, чтобы восстановить контроль над ситуацией, и смотрят с оптимизмом на решение проблем безопасности в своей стране и в регионе в целом. В декабре 2015 г. Э. Рахмон заявил, что Центральная Азия располагает ресурсами для решения любых социально-экономических проблем [33].

В то же время руководство Таджикистана не скрывает озабоченности относительно возможности ренессанса исламского экстремизма. Так, в марте 2016 г. правительство взяло под жесткий контроль выезд граждан Таджикистана за границу, дабы предотвратить попадание последних под влияние ИГ. Ведь, по официальным данным, к началу текущего года более 1000 выходцев из Таджикистана вступили в ряды этой террористической организации и воюют в Сирии и Ираке [4].

С учетом огромной протяженности (1344 км) границы с Афганистаном сохраняется угроза проникновения в Таджикистан сторонников радикального ислама с его территории. В основном граница проходит по реке Пяндж и является относительно легко доступной. Эту проблему пытается решать совместная таджикско-афганская Комиссия по редемаркации государственной границы. Но, принимая во внимание этническую составляющую проблемы, а также ландшафт местности, ситуацию приходится признать далекой от преодоления [26]. Положение на границе продолжает оставаться напряженным. В марте и последующие месяцы 2016 г. предпринимались все новые попытки прорыва боевиков со стороны Афганистана [30]. Проблема осложняется еще тем, что многие граждане Таджикистана вербуются в ряды ИГ в России, где работают в качестве трудовых мигрантов [31]. И здесь особую важность представляет взаимодействие двух государств в противостоянии исламистской угрозе.

* * *

Ситуация как в Таджикистане, так и во всем регионе Центральной Азии остается напряженной, а исламский радикализм по-прежнему служит едва ли не основным фактором нестабильности. Насколько заинтересованные силы региона готовы объединить свои усилия для противодействия и преодоления этого чрезвычайно опасного явления, покажет время. Исламский радикализм наносит ущерб и государственным, и социальным, и культурным структурам всех стран Центральной Азии. Опыт Таджикистана свидетельствует, что он может крайне негативно сказаться на жизни целого народа.

Пока республика демонстрирует пример стойкого противостояния внутреннему и внешнему экстремизму. Не последнюю роль играет тот факт, что Таджикистан является участником таких авторитетных международных организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Конечно, подобные структуры не являются панацеей от угрозы радикального ислама и расширения его влияния на социально-политическую ситуацию в стране и в регионе, но одним из весомых факторов поддержания стабильности они остаются. Залогом безопасного развития региона является и сохранение внешнеполитического баланса, который позволяет использовать влияние и возможности внешних игроков (прежде всего РФ, КНР, ряда международных организаций), которые, как и народы Центральной Азии, заинтересованы в минимизации масштабов деятельности религиозных радикалов, борьбе со структурами международного терроризма. До тех пор, пока в Центральной Азии сохраняется статус-кво, многие проблемы, в том числе и противодействие исламскому экстремизму, могут успешно решаться.

Литература

1. **Амин С.** Анализ Баткенских событий 1999–2000 гг. — <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/2013/05/14/analiz-batkenskikh-sobytiy> (дата обращения: 31.05.2016).
2. Брат из Моленбека. — <http://www.gazeta.ru/social/2016/03/18/8131271.shtml> (дата обращения: 31.05.2016).
3. В Афганистане боевики закрепляются на территориях, граничащих с Туркменистаном и Таджикистаном, — спецпредставитель президента РФ. — <http://www.ca-news.org/print:1182745/> (дата обращения: 31.06.2016).
4. В Таджикистане взяли под жесткий контроль зарубежные поездки граждан, опасаясь их присоединения к ИГ. — <http://www.ca-news.org/news:1181096> (дата обращения: 31.06.2016).
5. **Вильковски Д. Н.** Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014.
6. **Владимиров А.** Новая орда. — <http://vpk-news.ru/articles/28151> (дата обращения: 31.05.2016).
7. Востоковед: Терракты в Европе будут еще страшнее. — <http://nsn.fm/incident/ekspert-esli-pryamo-seychas-ne-usilit-bezopasnost-terakty-v-evrope-budut-eshchye-strashnee.php> (дата обращения: 31.05.2016).
8. Вызовы безопасности в Центральной Азии. Сборник. М., 2013.

9. **Гулрухсор М.** Клань и ценности в Таджикистане. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1371104640> (дата обращения: 31.05.2016).
10. **Звягельская И.** Становление государств Центральной Азии: политические процессы. М. : Аспект Пресс, 2009.
11. Исламский фактор в ЦА: гипотетическая или реальная угроза? — <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1144048140> (дата обращения: 31.06.2016).
12. Исламское государство: история с начала. — http://www.bbc.com/russian/international/2016/03/160311_is_full_story (дата обращения: 31.05.2016).
13. Как устроено «Исламское государство»: истоки, цели, финансы. — http://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion (дата обращения: 31.05.2016).
14. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М. : ИВ РАН, 2015.
15. **Коростиков М.** В Афганистане начинается сезон войны. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1460530140>.
16. **Малышев Д.** Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2.
17. Нападения и взрывы в Париже: крупнейший теракт в истории Франции. — <http://ria.ru/world/20151114/1320235453.html> (дата обращения: 31.05.2016).
18. Ноа Такер: Ислам и политический процесс в Центральной Азии. — <http://caa-network.org/archives/5528> (дата обращения: 31.05.2016).
19. Откровения супруги первого президента. — <http://news.tj/ru/node/206832> (дата обращения: 31.05.2016).
20. Охота за «кровавым генералом»: в Ромитском ущелье идет спецоперация. — <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660556> (дата обращения: 31.05.2016).
21. Партии исламского возрождения Таджикистана дан 10-дневный срок на рассмотрение вопроса о самоликвидации партии. — <http://ca-news.org/print:1160098/> (дата обращения: 31.05.2016).
22. ПИВТ вне закона: в Таджикистане оценивают последствия. — <http://dw.com/p/1Gg0l> (дата обращения: 31.06.2016).
23. **Рахматуллаев Э.** Миротворчество ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии. М. : 2001.
24. **Султанов Б.** Угрозы дестабилизации в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. I (XXX).
25. Таджикиский богослов: Россия правильно поступила с Крымом. — http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140510_dushanbe_support_russia_ukraine (дата обращения: 31.05.2016).
26. Таджикско-афганская Государственная граница. — <http://mfa.tj/ru/pogranichnie-voprosi/tadzhikistan-afganistan-granitsa.html>.
27. Теракт в Пакистане: количество жертв растет. — <http://korrespondent.net/world/3658217-terakt-v-pakystane-kolychestvo-zhertv-rastet> (дата обращения: 31.05.2016).
28. Терроризм в Центральной Азии. — <http://www.ekstremizm.ru/baza-znaniy/item/53-terrorizm-v-centralnoy-azii> (дата обращения: 31.06.2016).
29. **Фараджирад А., Хансари Д., Радмехр З., Дархор М.** Афганский терроризм и нестабильность в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 3.
30. Фоторепортаж с места инцидента на таджикско-афганской границе. — <http://www.ca-news.org/print:1182949/> (дата обращения: 31.05.2016).
31. Экс-боевик ИГ из Таджикистана Бободжон Карабоев: «Мы были пушечным мясом». — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1459530300> (дата обращения: 31.06.2016).
32. Эксперт: Не стоит преувеличивать возможности ИГ в Средней Азии. — <http://regnum.ru/news/polit/1945268.html> (дата обращения: 31.06.2016).
33. Э. Рахмон: Центральная Азия располагает ресурсами для решения любых социально-экономических проблем. — <http://www.avesta.tj/goverment/37266-erahmon-centralnaya-aziya-raspolagaet-resursami-dlya-resheniya-lyubyh-socialno-ekonomicheskikh-problem.html> (дата обращения: 31.06.2016). ◆